

ЭТО ВАМ НЕ «ТЕЛЕГРАММ»...

(РУССКОЕ ЯЗЫЧЕСТВО В ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ)

Нельзя сказать, чтоб имя Василия Леонидовича Комаровича – ссыльного польского революционера и выдающегося русского ученого, было на слуху. (Хотя именно он был учителем Д.С.Лихачева, а его труды о Достоевском находятся выше трудов Бахтина). Повлияло то, что в 1920-х арестованного и осужденного ученого спас от лишения свободы, добившись замены концлагеря ссылкой, А.А.Жданов [<http://vorplit.ru/main/index.php?cID=514>], чье имя, после его убийства (а затем расправы над обнаружившими это), само превратилось в мощнейший <...>-большевицкий компромат.

Известна (относительно) лишь одна работа Комаровича: «Китежская Легенда: опыт изучения местных легенд», – хотя она создана в 1934 году, в эпоху господства «нового учения о языке Н.Я.Марра», 5-го классика марксизма-ленинизма, и по условиям той эпохи – ныне, в знач.мере, вынуждена стать лишь принадлежностью истории науки... Статья «Культ рода и земли в княжеской среде XI – XIII вв.» осталась только в рукописи ученого, погибшего 17.02.1942 года в блокадном Ленинграде. Она опубликована в 1960 г., – с непристойно ироничным предисловием. Уникальность этой незаконченной работы – писавшейся в Блокаде, когда ученому было недоступно большинство рукописей и публикаций, а на просмотр доступных банально не оставалось сил, в том, что это едва ли не единственное ОБЪЕКТИВНОЕ исследование Русского язычества – основанное на документальных материалах.

Василий Леонидович не был пионером этих наблюдений, прежде сделанных С.М.Соловьевым, еще до создания «Истории России», о чем и говорит: «...Соловьеву бросилось в глаза то место в Лаврентьевской летописи (под 1169 г.), где рассказывается, как сын Юрия Долгорукого, Михалко, в схватке с половцами чуть было не погиб, «но, – добавляет летописец, – бог отца его молитвою избави его от смерти». «Князь Юрий Долгорукий никогда, – замечает по этому поводу Соловьев, – не был причтен церковью к лику святых», и, значит, его посмертная помощь сыну предполагает не церковный культ святых, а нечто иное. Ссылаясь тут же на древний обычай «считать всех умерших праведниками», да и самый рассказ приводя лишь как иллюстрацию из прошлого к радуничным поминальным обрядам, Соловьев не оставляет сомнений в том, как он понимает обращение Михалки за помощью к умершему отцу: как (на) ту самую языческую «окличку» умерших предков, которая уцелела, с одной стороны, в фольклоре и отреченной письменности, а с другой – в церковно-дисциплинарных запретах и обличениях» [ТОДРЛ, т. 16, с.87 (см.: С.М.Соловьев «История отношений между русскими князьями Рюрижова дома», М., 1847, стр. 223)].

Ученый пишет, блестяще выявив места работы православной цензуры в эпоху седой древности: «Об обычае «мертвых кликать» на жальниках по погостам и ставить там трапезы упоминает Стоглав. Говорят и наблюдавшие этот обычай иностранцы (Петрей, Олеарий). Словом, свидетельства о почитании Рода не оставляют сомнений в том, что этому культу принадлежало исключительное место в русском язычестве: ни той или иной областью, ни социальным слоем, как, скажем, культ Владимировых кумиров, этот культ, очевидно, не ограничивался, будучи повсеместным, исконным, общенародным.⁷ И в обрядовом своем выражении он поминками, конечно, не ограничивался; кроме смерти родоначальника, не меньшим событием в жизни архаического рода – а затем и в пережившем его культе – были брак и родины. То и другое тоже, несомненно, весьма долго сохраняло отпечаток языческого обряда, на что немало есть указаний в тех же обличительных и дисциплинарных памятниках. И при всем том культу Рода в древнерусском быту приписывался до сих пор сугубо частный, семейный только характер. Ограничиваясь по большей части догадками о возможной древности соответствующих фольклорных данных (радуничных окличек, причетей и т. п.) да перечнем соответствующих церковных обличений, исследователи об общественном значении этого культа даже не ставили и вопроса. Указание Соловьева на летопись до сих пор ничье внимание не привлекло. А между тем оно стоит того, чтобы на нем остановиться. Дело в том, что отмеченный Соловьевым признак: полуязыческая молитва к неканонизованному церковью предку, – указанным местом летописи не ограничивается. Вслед за приведенным эпизодом под 1169 г., помощь «дедней и отней молитвы» тому же Михалке оговорена также под 1171 г. Затем «отца и деда его молитва и прадеда его» под 1176 г. помогает Михалке же в борьбе с Ростиславичами. Под 1193 г. «деда и отца молитвою святою» избавляется от пожара князь двор Всеволода. Под 1217 г. «молитва отца и дедня» водворяет мир между Всеволодовичами Константином и Юрием; под 1223 г. «молитвою отца своего Константина» (умершего в 1218 г.) спасается от гибели на Калке Василько Константинович; наконец, под 1294 г. «молитвою деднею и отнею» спасается от татар Михаил Тверской. Ни один из этих посмертных доброхотов своего потомства: ни Владимир Мономах, ни отец его Всеволод, ни Всеволод Большое Гнездо, ни сыновья его Константин и Ярослав – опять, как и Юрий Долгорукий, никогда канонизованы не были. И замечательно, что этот красноречивый след языческого культа Рода тянется на пространстве, ограниченном от конца XII до конца XIII в. через древнейший лишь текст Лаврентьевской летописи; в параллельном тексте более поздних сводов (Радзивилловского и Московского академического) имеем ряд не менее красноречивых поправок: в одном случае «отца его молитвою» исправлено на «святого отца», т. е. родителя заменил духовник (под 1169 г.); в другом случае (под 1193 г.) все упоминание родичей вообще выпущено. Дала, как видно, знать себя рука духовной цензуры. Проникновение в летопись полуязыческого культа княжеских родоначальников совпадает как раз с тем периодом, когда так обострены были разногласия относительно правовых основ княжеской власти, начиная с реформаторской деятельности Андрея» [там же, с.с. 88–89].

Добавим, понимание текстов, повествующих об этом, ясно присутствовало и спустя четыре века, во времена Ивана Грозного. Автор «Казанской Истории» – исключительно чуткий писатель русской речи, хотя он и провел четверть века в татарском рабстве. Ипатьевская летопись рассказывает: «Того же лета Андрей, князь Суждальский, разгневался на Ростиславичи ...исполнивсья высокоумья, разгордევсья вельми, надеясь плотной силе и множеством вой огородивсья, ражегсья гневом, и посла Михна мечьника, рек ему: «Едь к Ростиславичемь, рци ти им: Не ходите в моей воли? – ты же, Рюриче, пойдн в Смоленск, к брату во свою отчину! – а Давыдови рци: А ты пойдн в Берладь, а в Руськой земли не велю ти бытии! – а Мьстиславу молви: А тебе стоить всё, а не велю ти в Руской земле бытии». Но Мстислав, по отзыву летописца, «...от уности навькл бяше не уполошитсья никого», – и вот как поэтому реагировал он на высокомерный этот приказ: «Повеле Андреева посла емьше, постричи голову перед собою и бороду, рек ему: „Иди же ко князю своему и рци ему: Мы тя до сих мест акы отца имели

по любви, – аже еси с сякими речьми прислал: не акы к князю, но акы к подручнику и просту человеку! – а что умыслил еси, а тое дей <цитата Ин., речь Христа к Иуде>, а бог за всем» [там же, с.84]. И Казанский Летописец цитирует слова Евангелиста – Христов ответ Иуде, когда передает.. ответ Ивану Грозному казанцев, отвергших предложение о капитуляции: «Твори, почто пришел еси!» (ст.редакция, гл. 75-я) [ПСРЛ, т. 19, с.145], – явно рассчитывая, что читатели (Читатель?) узнают цитату Ипатьевской летописи, отождествив Ивана Васильевича с Андреем (вероятно, чтившимся уже тогда!).

В утраченной южнорусской (видимо, киевской) летописи XIII в. и цитирующих ее – митрополичьей 1256 г. (сохранившейся в I ч. Тверского Сб.) [там же, т. 15\2, с. 249] и великокняжеской 1495 г. [там же, т. 25, с.83], как и всеобъемлющей Никоновской [там же, т. 9, с.247], эта оскорбительная новелла отсутствует. Она была опущена уже их общим первоисточником! Но Казанский Летописец процитировал именно её, бессмысленно при указании на евангельский первоисточник, явно рассчитывая, что окажется узнаваемой именно новелла из «украинской» Ипатьевской летописи (как постулируется она сейчас) – московскими читателями 1560-х годов!

Отметим, кстати, что харатейный Раскольничий Летописец 1197 г. (совпадавший с Голицинской копией Киевской летописи 1198 г.), известный по цитатам Татищева и современными учеными («орцами с антисемитизмом», хулителями В.Н.) объявляемый списком Ипатьевской (предположительно Ермолаевским), не содержал этой новеллы. Поддерживая Мстиславичей, тем не менее, Татищев этой скандальной сцены не цитирует: у него уже не было Ипатьевской летописи. К 1730-м «деукраинизация» Великороссии, в 2014 г. возобновленная Соловьевым, Киселевым, Малафеевым и пр., как видим, уже шла!..

Здесь приходится указывать на неприглядный иудео-христианский – антирусский труд ученого знаменитейшего: ак.Д.С.Лихачева. Будучи учеником Комаровича, зная редкие, труднодоступные работы С.М.Соловьева, он умудрился "умолчать" об этом – о языческих сентенциях в выдающихся памятниках древнерусской литературы: "Слове о полку Игореве" и "Повести о разорении Рязани". Это исчерпывающе объясняло – почему первое уцелело до 1812 года лишь в единственной, и то, в скрывавшейся от людей копии 1470-х годов, а вторая – в списках лишь от 1550-х годов, когда власть православных мракобесов над Русью, при благоверном царе Иване Васильевиче, ослабла. Достойны внимания те монастыри, где хранились (и была снята копия) – не оказались уничтоженными списки: новгородские Богородице-Рождественский Лисицкий, Варламо-Хутынский (и Иосифо-Волоцколамский) .

Лихачев знал о наблюдениях учителя, но слова не сказал, дабы снять с памятников, бывших темой его трескучей публицистики, обвинение в поздней подделке! "Слово.." запечатлело, как представлялись русичам теофании, незримая помощь предков (и ее ослабление): "...Темно бо бе в 4-й день: два солнца померкоста, оба багряная столпа погасиста и съ нима молодая месяца: Олегъ и

Святославъ тьмою ся поволокоста" (речь об Олеге Святославиче\Гориславиче и Святославе Ярославиче) [В.П.Тимофеев "Другое Слово о полку Игореве", М., 2007, с.215]. В "Повести..." мы видим всё тоже обращение к покойным, но не причисленным к лику святых (и не причислявшимся в том веке: павших в бою, как воины): *"О, милая моя братья и господие, како успе, животе мои драгии, меня единого оставиша в толице погибели! Про что аз прежде вас не умрох, и камо заидесте очию мою и где отошли есте мокровища живота моего?! Про что не промолвите ко мне, брату вашему, цветы прекрасныи, винограде мой несозрелый? Уже не подасте сладости души моей! Чему, господине, не зрите ко мне, брату вашему, не промолвите со мною?! Уже ли забыли есте мене, брата своего, от единого отца роженого, и единые утробы честнаго плода матери нашей - виликие княгини Агрепены Ростиславне, и единым сосцем воздоеных многоплоднаго винограда? И кому приказали есте меня, брата своего?! Солнце мое драгое, рано заходящее, месяцы красныи, скоро погибли есте! Звезды восточные, почто рано заши есте!? Лежите на земли пуге, ни ким брегома, чести-славы ни от кого приемлемо, изменися бо слава ваша. Где господство ваше - многим землям государи были есте, а ныне лежите на земли пуге, зрак лица вашего изменися во истлении! О, милая моя братия и дружина ласкова, уже не повеселюся с вами! Свети мои драгии, чему помрачися есте!? Не много нарадовахся с вами, аще услышит Бог молитву вашу, то помолитесь о мне, о брате вашем, да вкупе умру с вами!"* [ТОДРЛ, т. 7, с.с. 297-298]. Далее идет новое обращение, включившее имена прославленных святых Бориса и Глеба, подчеркнуто отделенное от первого [там же, с.299].

Из умолчаний Лихачева прорисовывается и то, что подчеркивавшаяся его (не церковная) православная религиозность - была фальшивкой, лишь удобной маской, прикрывавшей русофобию (как многим православным активистам ныне). Ученый откуда-то предположил зависимость рассказа «Повести...» о мученичестве Олега Красного [там же, с.291] (по рассказу, разрезанного на части: это указание на древность рассказа, ибо в 1252 г. Олег был привезен из плена в Каракоруме, и это вошло в летописи) - от жития Иакова Персиянина (27 ноября\09 декабря). Мученик Иаков был усечен мечем: ассоциацию ученого вызвали не подробности, а дата мученичества Олега, внесенная в риторическую редакцию: 09 декабря [там же, с.396] (Федора Зарайского, согласно ей же, почитали 01 декабря) [там же]. Но это - дата СТАРОГО стиля, а память Иакова была в эту дату, согласно НОВОМУ стилю: чуждому и враждебному Русской церкви, исключая обновленцев-новостильников (до 1943 г. включавших и патриархию!), отрицание которого для православных 1-й\2 ХХ в. Было знаменем. Академик допустил «проговорку по Фрейду»...

Напротив, поразительно то, насколько точно в ХХ веке, после веков забвения, поймал В.Л.Комарович смысл древнерусского языческого культа - на окарикатуривание, извращение и очернение коего, уже днесь, нацелены силы не только православной церкви, но и российского государства!

Объектом почитания - Русским язычникам служили не некие «идолы», проевшие мозги иудейско-христианским жрецам, но собственные предки. Это осталось в языке - разумеется, заметное для знающих древнерусскую литературу. Знаменитый книгописец Ефросин Белозерский, переписывая «Повесть о дочери Александра Македонского», оставил нам эту этимологию: славянизм Рай - по-древнерусски-будет «Порода» (обитель лучших предков). «Природа» - обитель здравствующих, «Порода» - обитель отшедших, тех, кто в Прошлом. В отличие от евреев (и христиан), настоящие язычники, оказывается, просто не нуждались в идолах. Более того, они вообще не утруждали себя молитвословием! Молитву - несут Богу (Богачу, санскр.Б`аге: слепому раздаривателю богатств) прародители, находясь в Породе, в его обителях.

Самоуничжение адоранта перед б-жеством - «вымаливание» необходимого у беспощадного и самолюбивого господина, сотворенного по образу и подобию земных владык ближневосточного классового общества, якобы универсальное

человеческой психике (как утверждают греко-христианские проповедники днесь), оказывается – Русскому Язычеству было чуждо не только ситуативно, но и мироустроительно!

Интересно, что и плотское воссоединение, доступное в будущем, язычниками было провидено. Материальная форма культа предков сохранилась в обычае срезать, оставлять в память о себе локон волос. Акт, в Новое время, обыкновенно, совершаемый между любимыми, в прошлом служил для передачи вести о себе младшими – старшим. Именно волосы (самая стойкая форма клеток, хранилище генома личности), считалось, несли информацию о «кровиночке» – его предкам. Можно считать, что открытия «продажной девки мирового империализма» – генетики, обнаружение двойной спирали ДНК (1950 г.) и путь к реанимации предков через возвращение в неспециализированное состояние и принуждение к делению неспециализированных клеток – были предвидены, не только величайшим русским философом Н.Ф.Федоровым (1828–1903), но и нашими древнеарийскими предками!

Летопись снимает современное обвинение в принудительной христианизации Руси татарскими руками, возведенное на героев ПОЗДНЕЙШЕЙ азиопской агиографии и «историографии» – Ярослава Всеволодовича и Александра Ярославича. Последнее упоминание о языческой молитве за князя сохранилось (в Лаврентьевской летописи) именно в летописании потомков Ярослава – Тверских князей, в ситуации, где князь пробрался в родной город, скрываясь от татарских разъездов при нашествии Неврюя. В Симеоновской летописи, за 1237–1239 гг. несущей утраченные иными летописцами новеллы рязанского – заостренно антимонгольского летописания, языческие сентенции оканчиваются 1223 годом, не сохранившись даже под 1238 г. (что присутствует в «Повести о разорении Рязани»)… В.Л.Комарович цитирует: «Внецерковную молитву к умершему родичу, в последний раз засвидетельствованную летописью под 1294 г., нельзя не сопоставить с другими пережитками языческой старины в той же среде удельных князей XII– XIII вв.: во-первых, с обычаем давать новорожденному князю два имени и, во-вторых, с отличным от крещения обрядом постригов. Двойные имена наших князей различаются летописью как «княжие» («русские», «мирские») и крестильные, например: «...родился у него сын. И нарекоша и в святем крещении дедне имя Михайло, а княже Ростислав, дедне же имя» (Ипатьевская под 1173 г.), это о сыне Рюрика Смоленского. Под 1177 г. аналогичное известие читается о сыне Игоря Святославича Новгород-Северского: «Родился у Игоря сын, и нарекоша имя ему в крещении Андреян, а княжее Святослав» (Ипатьевская), т.е. «княжее» опять дедово; под 1192 г. «княжее имя» нарекает своему сыну Всеволод Суздальский и опять «деда своего имя» (Воладимир).

Присущий, как видно, всем ветвям русского княжеского рода одинаково, явно не соблюдавшийся, однако, уже Андреем, обычай этот мог корениться опять только в языческих представлениях о нерасторжимом единстве живых и умерших родичей: недаром «княжее» имя так часто оказывается одновременно «дедним»; недаром, с другой стороны, и исчезают эти имена одновременно с внецерковной молитвой предку, в поколении сыновей Александра Невского, в конце XIII столетия.⁸ Было ли связано наречение «княжего» имени с постригами – неизвестно. Но та подробность, что «постриги» (упоминаемые в Лаврентьевской и Ипатьевской под 1192 г., только в Лаврентьевской под 1194, 1212 и 1302 гг.) сопровождалась посадением трехгодовалого князя из рук отца «на конь», говорит во всяком случае о внецерковном характере и этой обрядности. А в таком случае посвятельный характер самых постригов – острижения первых волос – не мог не предполагать нецерковного же, языческого, адресата для приношения (как догадывался уже П.А.Лавровской). Косвенно это подтверждается следующим обличительным текстом XVI в.: «Волови и еретицы и богомерские бабы – кудесницы и иная множайшая волшебствуют и с робят первые волосы стригут».⁹ Трудно не отождествить этот позднейший, уцелевший по «украинам» двоеверный обряд с княжескими постригами XII – XIII вв. Но что в приведенном тексте «первые волосы» предназначались Роду, видно из стоящего рядом упоминания

всегда неразлучных с ним Рожаниц («а бабы каши варят на собрание рожаницам»). Замечательно, что в «Хоэфорах» Эсхила Орест на могилу отца приносит как раз то же самое:

В день первый юности волос своих

Я срезал прядь, в дар Инаху – вскормившему;

Вторая прядь – тебе, отец, поминный дар...» [ТОДРЛ, т. 16, с.с. 89–90].

Античное – «классическое» язычество, если отбросить отличие камня как материала (более примитивного, неудобного для резчиков и зодчих) от дерева, а также примитивное семитское идолопоклонение – позаимствованное эллинами в 600-х гг. до н.э. с Ближ. Востока, и характерное Элладе, оказывается, было вполне параллельно-родственным Древнерусской Цивилизации дохристианских времен!

В осажденном Ленинграде, у Комаровича не было ни сил, ни возможностей, составить полный каталог летописей, где и какие сохранились – обычно жесточайше истираемые при копировании – поминания нехристианских молитв покойных предков за здравствующего князя.

Полный каталог языческих молитвословий, исчисленный Комаровичем, несет Лаврентьевская летопись. Примечательно, что появились они в источниках официальных (летописных текстах) лишь с 1169 года, с великокняжеской летописи, ведшейся в Переяславе Русском, стольном граде сыновей Юрия Долгорукого.

Симеоновская летопись, начинаясь с 1177 года, доводит их до 1223 г.

Во Владимирской (Радзивилловский и Академический списки): ...

поѣхаша ²¹ по дорозѣ ²². и срѣтоша и ²³ паки ²⁴. и ²⁵ сступишася с ними битъ ²⁶. и

поможе ²⁷ Бѣ Михалку со Всеволодом на поганыѣ . [и] гдѣдна и ѡтна млтѣ ва д. и

сбыѣсѣа ²⁸ в ²⁹ недлю . самиѣ поганыѣ ³⁰ избиша . а другыѣ изымаша ³¹. а полонѣ

свои ѡаша . . у . чади . и ²⁵ пустиша ѣ ³² во своѣ си . а сами възвратишася ³³ в

Кыевѣ ³⁴. славаще Ба и стюю Бцю . и крѣта четнаго I

В лѣт. #s . х . п . [6680 (1172)] Престависа блгѣ овѣрнии князь Глѣбѣ

– и Киевской (Ипатьевский и Густынский списки) летописях, как отмечалось В.Л.Комаровичем, статья с молитвой также присутствует лишь под 1171 г.: ...

крѣпко и поможе Бѣ Михалкови и Всеволоду на поганѣи ¹⁹ . дѣдна и ѡтна ²⁰ млтѣ . и
сбыѣсѣа ²¹ . в недлю ^К самы поганыѣ избиша . а другыѣ ²² изымаша ²³ . и ²⁴ полонѣ

Wæша . д̄. ²⁵ ста ²⁵ чади ²⁶ . и пустиша æ во ²⁷ своæси . а сами възвотишася ²⁸ Къеву ²⁹ .
славше Ба̄и ст̄юу Бѣю и силу ч̄тънаго ³⁰ кр̄ста ³¹ . и св̄таæ мч̄нка помогающа ³² на
бран̄хъ ³³ . на поганыæ **В** то же время престависа . бл̄гов̄рны ³⁴ князь . Гл̄бъ ^А сн̄ь ^Б
Юрьевъ ³⁵ . внукъ Володимеръ ³⁶ . въ Киевѣ

; а также, остатками, в подредактированном виде, под 1169.

Переславль-Суздальский Летописец, обрываясь на 1200-х гг., повторяет языческие молитвословия по 1176 г. включительно. Что интересно, этот текст не является копией великокняжеской летописи дословно, пересказ в нем ведется с разночтениями. Напр.:

поможе б(о)гъ Михалку съ Всеволодом над погаными, м(о)л(и)тва отня и дѣдня въ д(е)нь неделю, самѣхъ избиша, а другыя изимаша, а полонъ свои от(ъ)яша, 400 чяди, и пустиша а въсвои, а сами възвратишася къ Къеву, славше б(о)га и с(вя)тую б(огороди)цю, и кр(е)ста ч(е)стнаго⁸.

В лѣт(о) 6680⁹. Преставися бл(а)говѣрныи кн(я)зь Глѣбъ Гюргевичъ киевскыи, 1172

Утраченный Летописный Свод 1518 г. сохранился в составе Тверской (<http://dlib.rsl.ru/viewer/01004161972#?page=150>), Львовской (<http://dlib.rsl.ru/viewer/01004161973#?page=145>) и Холмогорской летописей. Две первых содержат одинокую недостающую сентенцию 1193 года: как видно, общий протограф этих летописей и летописца удельного стола Ярослава Всеволодовича был некогда разделен надвое.

Как заметили читатели, поразительное равнодушие к наследию предков, точнее – к мольбам о заступничестве за князей Рюрикова дома, проявляют летописи Новгорода Великого. Но и в них имеется исключение.

Новгородское летописание весьма враждебно к Андрею Боголюбскому и его братьям. Однако сообщив о победе над соперниками-Ростиславичами князя Михалка в 1176 г. Новгородская Карамзинская II летопись (и созданные на ее основе известия в Новгородской IV и Новгородской V) своими словами повторяют известие о языческой молитве предков, как источнике помощи юным княжичам Михалку и Всеволоду:

ЛЕТОПИСЬ. ВТОРАЯ ВЫБОРКА

105

Яроплъка. Но всемилостивыи Богъ и пречистаа его Мати не забы Михалка и Всеволода, доидоста стола дѣдня и отня, креста честнаго заступлением, родитель своих молитвою и своимъ златымъ копием и острым мечем. Михалк[ово]¹⁸. И сѣде на столѣ Михалко в Володимери, а Всеволода посади в Переяслави.

В лѣто 6684. Тое же зимы приходиша вся Чюдскаа земля къ Пльскову.

1176

Создавался летописец, известный как НК2Л, в новгородском Богородице-Рождественском Лисицком монастыре, летописанием связанном с Троицким монастырем, основанным Сергием Радонежским. Как видим, утверждения некоторых неоязыческих публикаций – полагающих, что биография старца сфальсифицирована клерикальным российским «школьным литературоведением», и по жизни – Сергей был ближе к язычеству, нежели иудео-христианству (почему и не сохранилось ни единой его авторизованной строчки!), не лишены улик...

Р. Жданович